

Лаврентий (Некрасов), митр. Слово при гробѣ Сергія [Ляпидевского], митрополита Московскаго // Богословскій вестник 1898. Т. 1. № 2. С. 157–162 (3-я пагин.).

С Л О В О

ПРИ ГРОБѢ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО СЕРГІЯ, митрополита Московскаго ¹⁾.

Еще день и святая Лаврская земля приметъ въ свои объятія тѣло нашего архипастыря, и мы уже не увидимъ болѣе его никогда, до великаго дне суднаго. О! еслибы намъ съ непостыднымъ лицомъ встрѣтиться съ нимъ тамъ! Съ какою бы радостію онъ сказалъ бы Создателю всѣхъ: се, азъ и дѣти моя! А это можетъ быть только тогда, когда мы будемъ исполнять заповѣди Божіи; но горе намъ, если окажемся преступниками заповѣдей Божіихъ; тогда онъ скажетъ: вы не исполнили того, чему я училъ васъ; вы преступили заповѣди Божіи; я училъ васъ, вы не слушали; отъидите отъ мене; вы не дѣти мои: не знаю васъ. Для избѣжанія печальной сей участи, воспроизведемъ нравственный образъ почившаго, чтобы глубже напечатлѣть его въ сердца, чтобы, взирая на него мысленно, подражать ему...

Но сказавъ это, я чувствую не малое смущеніе: вѣдь я мало зналъ его. Почившій былъ мужъ мудрый; а мужъ мудрый безмолвіе водить; онъ не любилъ открывать никому своихъ завѣтныхъ думъ; внутренній міръ души его рѣдко кому былъ доступенъ; во святое святыхъ души его весьма немногіе входили. Притомъ я былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ только четырехъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, когда уже очевидно было, что земная хранина его разрушается, что отшествіе его изъ сего міра въ вѣчность приближается. Однако и въ это время, когда естественныя силы у чловѣка слабѣютъ, какая была у него энергія! Какая сила воли! какой свѣтлый взглядъ на вещи! какая твердая па-

¹⁾ Произнесено 15 го февраля въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой Лавры.

мать! Какъ глубоко вникалъ онъ въ каждое дѣло! Какъ мудро и скоро рѣшалъ онъ самые запутанные вопросы! Однимъ, или двумя словами. Да вы вотъ такъ-то поступите, или такъ-то сдѣлайте. И для васъ ясно становилось темное дѣло, и вы дивились, какъ это вы сами не догадались, какъ это вы сами не поняли: такъ просто дѣло являлось теперь. Что же было, невольно думалось при этомъ, когда онъ былъ молодъ, въ цвѣтѣ силъ?!

Вспомнимъ его продолжительныя, торжественныя богослуженія! Какъ величественно раздавалось его слово! Какъ могущественно дѣйствовала на слушателей его пастырская рѣчь! Самое появленіе его въ храмѣ уже производило назиданіе. Вспомнимъ его продолжительныя крестныя хожденія по стогнамъ Царственнаго града—изъ одного конца въ другой. Какъ не утомлялся онъ, прѣшедъ такое поприще, еще совершать божественную литургію! Какъ доставало силъ послѣ литургіи часа два благословлять народъ подъ палящими лучами іюльскаго солнца, затѣмъ утѣшить настоятеля своимъ посѣщеніемъ и потомъ снова благословлять народъ продолжительно, такъ что дѣятельность продолжалась отъ утра до вечера. Чтò подкрѣпляло старческія силы? Любовь къ народу воодушевляла и укрѣпляла его.. Любилъ онъ благословлять народъ; „это, говорилъ онъ, дѣло святое“. Любилъ и народъ его. Толпы народа всегда окружали и тѣснили его. Народъ смотрѣлъ на него какъ на отца и учителя Церкви, какъ на стойкаго защитника вѣры, какъ на хранителя православныхъ, святыхъ преданій, какъ на преемника и ученика великаго Филарета. И не напрасно: онъ дѣйствительно таковъ былъ; онъ хранилъ святую вѣру, какъ зѣницу ока. Его нельзя было подкупить словами: наука, прогрессъ; „въ наукѣ, говорилъ онъ, могутъ быть разногласія, въ дѣлѣ вѣры мы должны едиными устами и единымъ сердцемъ славить пречестное и великолѣпное имя Божіе“; въ дѣлѣ вѣры онъ не поступался ни передъ кѣмъ своими убѣжденіями. Такимъ его знали вездѣ: и въ Курскѣ, и въ Казани, и въ Кишиневѣ, и въ Одессѣ, и въ Москвѣ. Когда Державная воля призвала его на кафедру Св. Петра, въ Царствующій градъ Москву, явились къ нему богатые раскольники съ хлѣбомъ и солью. „Если вы, сказалъ онъ имъ, не хотите принять

отъ меня благословенія, какое у меня можетъ быть общеніе съ вами? Не могу принять отъ васъ хлѣба и соли“. Такую твердость характера, такую стойкость убѣжденій дала ему старая академическая школа: двадцать лѣтъ онъ провелъ въ Академіи, четыре года студентомъ, шестнадцать учителемъ, инспекторомъ и ректоромъ. Это было золотое время нашей Академіи, — когда въ ней блистали своею ученостію и благочестіемъ такіе великіе мужи, какъ протоіереи Петръ ¹⁾, Θεодоръ ²⁾ и Александръ ³⁾, архимандриты: Филаретъ ⁴⁾, Евсевій ⁵⁾, Евгеній ⁶⁾, а надъ ними царилъ великій Филаретъ митрополитъ. Въ постоянномъ общеніи съ такими людьми окрѣпъ духъ почившаго святителя.

Съ окончаніемъ курса почившаго совпало изданіе *Твореній Св. Отца*. Никогда этотъ журналъ не стоялъ такъ высоко, какъ въ первыя шестнадцать лѣтъ своего существованія, когда училъ въ Академіи и управлялъ Академіей почившій. Трудясь въ переводѣ *Св. Отеческихъ Твореній* и постоянно изучая ихъ, онъ усвоилъ себѣ святоотеческіе взгляды на жизнь и сталъ образцовымъ монахомъ. Извѣстны начала монашества: уединеніе, постъ, молитва, совершенная нестяжательность, полное послушаніе своему начальству. „Келлія собираетъ“, говорятъ добрые монахи; „въ монастыря монахъ все равно, что рыба на сушѣ“. И почившій въ теченіе первыхъ шести лѣтъ ни разу не посѣтилъ Москвы, несмотря на всю прелесть, какую имѣетъ Москва для ученаго монаха со своими святынями, со своими учеными сокровищами, вѣками собранными. Постъ почившій никогда ни для кого не нарушалъ: ни для знатныхъ персонъ духовнаго и свѣтскаго чина, ни для Высочайшихъ Особъ, посѣщавшихъ Лавру и удостоившихъ его приглашеніемъ къ столу. Онъ смѣло шелъ даже противъ обычая цѣлой страны, если оны не согласовались съ обычаями Православія. Онъ былъ строгимъ блюстителемъ устава, и когда

1) Делицинъ.

2) Голубинскій.

3) Горскій.

4) Архіепископъ Черниговскій.

5) Архіепископъ Могилевскій.

6) Епископъ Симбирскій.

уставъ что запрещалъ, онъ никогда не касался запрещенныхъ свѣди. Запрещалъ уставъ рыбу, онъ довольствовался елеемъ; запрещалъ елей, онъ употреблялъ пищу безъ елея; запрещалъ вареное, онъ довольствовался сухояденіемъ. И здѣсь причина его долголѣтія и того, что онъ въ старости маститой сохранилъ свѣтлый умъ и твердую волю. О нестяжательности его говорить то, что онъ никогда ничего не заключалъ подъ замокъ, во всей его комнатѣ не было замковъ; вѣроятно, беречь было нечего, потому что все, что онъ получалъ, раздавалъ бѣднымъ своимъ роднымъ и бѣднымъ вообще. Но онъ помогалъ разумно: такъ, на мѣстѣ своей родины онъ построилъ церковь и школу; въ Кишиневѣ приютъ для бѣдныхъ дѣтей. Чтобы понять, какъ участливо относился онъ къ бѣднымъ, стоитъ прочесть слово его при заложениіи храма въ городѣ Тулѣ, мѣстѣ его родины. О послушаніи его нечего говорить: всѣмъ извѣстна его преданность закону, и если кто что-либо мало-мало не согласное съ закономъ предлагалъ ему, онъ строго говорилъ: „Вы хотите изъ послушника сдѣлать меня ослушникомъ закона; этого не будетъ“; на всякій мало-мальски недоумѣнный случай, который для другого не представлялся бы такимъ, онъ смиренно испрашивалъ разрѣшеніе у той власти, которой самъ былъ членомъ. Онъ любилъ монашество; но разрѣшалъ постриженіе въ монашество съ большою осторожностію; 30 лѣтъ, ни однимъ мѣсяцемъ меньше. „Вы рассмотрите хорошо метрическое свидѣтельство, говорилъ онъ одному благочинному, а то могутъ прибавить лѣта, да я и самъ посмотрю“, и дѣйствительно посмотреть. Даже окончившихъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи съ трудомъ разрѣшалъ постригать ранѣе 30 лѣтъ; а въ теченіи академическаго курса совсѣмъ запретилъ постригать. „Пусть лучше обдумываютъ этотъ важный шагъ; и вы внимательнѣе всматривайтесь въ нихъ, да и ко мнѣ представьте, я и самъ посмотрю“. Любилъ св. обители, любилъ уединяться въ нихъ отъ суеты мірской, любилъ Св. Лавру, гдѣ провелъ лучшіе годы своей жизни, гдѣ принялъ постриженіе въ монашество; любилъ Вивавію и въ ней церковь Преображенія, гдѣ принялъ благодать священства, любилъ келлію Фигарета, любилъ пожить въ ней чтобы подышать тѣмъ воздухомъ, которымъ дышалъ приснопамятный святи-

тель. Настоящая дѣйствительность мало удовлетворяла его, и нерѣдко задумывался онъ о судьбѣ Православія, о духовно-учебныхъ заведеніяхъ; вспоминая о временахъ приснопамятнаго Филарета, онъ отдыхалъ душой. „Не такъ было при блаженной памяти Филаретѣ, обыкновенно говорилъ онъ. Да развѣ это могло быть при немъ?“ Самая клевета, любящая чернить нашихъ архипастырей, не смѣла коснуться его; пыталась было и она чернить его, но не нашла себѣ пища и потому скоро замолкла.

Таковъ былъ почившій какъ человѣкъ, какъ священнослужитель, какъ монахъ. Таковъ онъ былъ и какъ правитель. Строгій къ себѣ, онъ требовалъ строгаго исполненія закона отъ другихъ; его нельзя было подкупить фразами; онъ не любилъ фразъ. Вы мнѣ говорите дѣло и правду. И горе тому, кто вздумалъ бы обмануть его; обманъ отъ пронизательности его не могъ укрыться. Онъ любилъ все знать, все самому дѣлать, и если гдѣ замѣчалъ злоупотребленіе, не старался скрыть его, но употреблялъ всѣ мѣры, чтобы пресѣчь зло; не любилъ дѣлать на показъ; гнушался лести. Совѣтниковъ у него не было, приближенныхъ тоже; онъ всѣхъ держалъ въ почтительномъ отношеніи. „Строго взвѣшивайте совѣты другихъ, говорилъ онъ молодому архинастырю; а лучше помолитесь Богу и поступите, какъ Богъ положилъ вамъ на сердце“... Онъ не только не приближалъ къ себѣ чужихъ; онъ никогда не принималъ въ свою епархію никого изъ своихъ родныхъ. „Средства мои для родныхъ, а епархія не для нихъ“. Тутъ онъ былъ неумолимъ; никакая просьба не могла смягчить его; даже примѣръ пр. Филарета на него не дѣйствовалъ. Понятно, при такой стойкости характера, при такой требовательности, для многихъ онъ могъ казаться строгимъ, суровымъ. Но онъ былъ строгъ на словахъ, а когда нужно было отъ словъ перейти къ дѣлу, онъ удерживалъ карающую руку. Строгость его была милость, благодѣяніе для насъ. Подъ видимою строгостью таилось нѣжное сердце, отзывчивое на чужое горе, терпѣливое, способное много переносить. И онъ, дѣйствительно, многое переносилъ. Правда, онъ сознательно скупъ былъ на похвалы, остороженъ въ наградахъ; но вѣдь все это суета. За то желающій учиться многому могъ поучиться у сего мудраго и многоопытнаго

мужа. Мудро и осторожно правилъ онъ вѣренною ему паствою, и его мудрости церковь Московская обязана тѣмъ, что въ его правленіе она не знала никакихъ бурь и волненій. И теперь, смотря на сей гробъ, мы не можемъ не сказать: какое великое сокровище сокрылъ онъ въ себѣ! какое богатство знанія, ума, опытности! Конечно, были и имъ недовольные, даже изъ тѣхъ, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, но мы увѣрены, что чѣмъ болѣе будетъ проходить время, тѣмъ свѣтлѣе и свѣтлѣе будетъ становиться его личность, и потомство скажетъ о немъ: онъ достойно занималъ кафедру своихъ великихъ предшественниковъ. Земная церковь долго будетъ оплакивать его; сами недовольные скоро пожалѣютъ о немъ.

Помолимся о немъ, чтобы имя его, славное на землѣ, было славно и на небеси, было записано въ книзѣ животнѣй. Добрымъ дѣламъ будемъ подражать; паче же всего будемъ хранить единеніе вѣры, свято хранить уставы Церкви. Если же кто знаетъ..... (нѣсть бо челоувѣка, иже поживетъ и не согрѣшитъ), такой да усугубитъ свои моленія къ Единому Безгрѣшному, чтобы Онъ простилъ ему прегрѣшенія, вмѣнилъ ему вѣру вмѣсто дѣлъ; ибо онъ несомнѣнно православно до послѣдняго издыханія вѣровалъ и исповѣдывалъ.

Нынѣ прощенный день: мнѣ думается, что онъ изъ гроба сего вѣмъ намъ вопіеть: благословите и простите меня и непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не низведенъ буду по грѣхамъ моимъ на мѣсто мученія, но да вселишь мя идѣже свѣтъ животный.

Архимандритъ Лаврентій.
